

Моя огромная благодарность Ксении, Ольге, Оле, Ольге Ивановне, Насте, Ларисе, а также всем женщинам, без которых наша жизнь не была бы такой, какая она есть. Всем тем, кто любит, чувствует, страдает, пускается в авантюры, живет с открытыми сердцем и душой. Тем, кто не потерял способность плакать и смеяться одновременно. Тем, кто каждый день проживает так, как может прожить его только женщина.

Маша Трауб

Иван да Марья

— Катюш, ты к папе съезди, узнай, как он там...

— Хорошо, мама, съезжу.

— Подарочек ему собери какой-нибудь.

— Да, мама, не волнуйся.

Катя сидела у кровати матери, и ее трясло от бессилия, злобы и такой всепоглощающей ненависти, что ни о чем другом она даже думать не могла.

Мать умирала. Это началось лет восемь назад. Катя работала в городе, мать жила в деревне.

— Катюш, надо бы плиту по весне поменять, — позвонила ей однажды мать.

— Мам, мы же только новую поставили, два месяца назад, — удивилась Катя.

— А ты еще обещала мне стиралку на Восьмое марта подарить, — тоном капризного ребенка сказала мать.

— Так я и подарила, — еще больше удивилась Катя.

Маша Трауб

— Мне тяжело руками стирать, а старая машинка совсем не крутит, — продолжала мать, как будто не слышала.

— Мам, у тебя в ванной стоит новая машина. И плита тоже новая. Мы ее вместе выбирали. Забыла?

— Ничего я не забыла, — ответила мать обиженно. — А вот ты про меня совсем не помнишь. Живи, мать, как хочешь. А если плита взорвется? Ей же столько лет, сколько тебе! И руки у меня уже совсем не держат — выкрутить пододеяльник не могу! А тебе все равно!

— Хорошо, мам, приеду, все поменяю, — сказала Катя, чтобы прекратить этот бессмысленный разговор.

Оказалось, что у матери Альцгеймер, она знала о диагнозе, но скрывала его от Кати.

Началось с плиты и стиральной машинки, которые в памяти матери остались старыми и нуждались в замене. Потом стало хуже.

— Ты почему столько времени не звонишь? — закричала мать, позвонив. Катя поговорила с ней накануне.

— Мамуль, мы же вчера с тобой разговаривали...

— Я тебе уже три часа дозваниваюсь! Ты же знаешь, что я на этом новом телефоне цифр сов-

Иван да Марья

сем не вижу. Три часа звоню и попадаю не туда. А если со мной что-то случится? Как я тебе позвоню? И кстати, почему ты не подходишь к домашнему телефону?

— Мам, я же тебе сто раз говорила — звони мне на мобильный. Я всегда с ним. Домой я только к вечеру добираюсь.

— А как звонить на твой мобильный? А сколько мне это будет стоить? Квитанция придет? Я же до сберкассы не дойду!

— Мам, у тебя там над телефоном записочка висит с цифрами. Я тебе в прошлый раз написала все. Ничего сложного.

— Мне привычнее звонить тебе на домашний. Его я помню.

— Хорошо, только не нервничай.

Катя разрывалась между работой и заботами о матери. Она платила соседке, чтобы та следила за ней, мыла полы в доме, приносила еду. Женщина оказалась хорошей, внимательной, но мать была недовольна. Каждые выходные Катя рвалась в деревню. Недалеко вроде бы, но за субботу и воскресенье она выматывалась так, что работа в офисе ей казалась отдыхом. Катя приезжала в деревню и начинала уборку — мать жаловалась на пыль, грязные окна, пол в пятнах. Была недовольна сиделкой — та

Маша Трауб

неряха, все вечно переставляет с места на место — ничего найти нельзя. И гладит плохо, с одной стороны, абы как. И полы моет шваброй, а не руками. И готовит плохо — суп и то нормальный сварить не может.

— Mam, у тебя же диета. Тебе нельзя жирное, жареное, — убеждала ее Катя.

— Это ты специально выдумала, чтобы мяса мне не покупать, — стояла на своем мать.

Когда Кате на работе предложили в командировку на две недели, она легко согласилась — хотела уехать, чтобы под любым предлогом не звонить матери, отодвинуть от себя ее болезнь.

— Mam, мне нужно уехать. Я не приеду в выходные.

— Ну и не надо. Ты и так тут целыми днями толчешься, — ответила мать. — У тебя хоть работа-то есть? Чего ты дома сидишь? Надо работать. Я в твои годы...

Катя уехала. Но сердце было беспокойно. Она так и не смогла расслабиться, отключиться и хоть на время забыть о том, что ее ждет дальше. Вернувшись, прямо из аэропорта она отправилась к матери.

— Ты чего? — та встретила ее на пороге, как будто ждала. — Что-то случилось?

— Нет, мам, просто приехала тебя навестить.

Иван да Марья

— Так вчера же только была!

— Мам, меня не было две недели. Я только вернулась из командировки.

— Не морочь мне голову! Какая командировка? Ты же даже не работаешь! Мою пенсию уже потратила! Сама заработать не можешь и меня обираешь!

Кате исполнилось пятьдесят. Теперь она осталась одна — не нужная ни матери, ни единственному сыну, который жил своей жизнью. Сыну от нее нужны были только деньги. Матери вообще не понятно, что было нужно.

Катя держалась за работу руками и ногами, понимая, что тянуть их обоих придется до последнего. Ей нужна была работа, чтобы куда-то уходить, хотя бы шесть часов не думать о том, что ее ждет дома. Сын опять станет сидеть перед компьютером с остекленевшим взглядом. Мать позвонит, и Катя по первым словам будет пытаться понять, в каком она состоянии. Просвет или опять все плохо? Сын бабушку ненавидел и считал ее сумасшедшей старухой. Впрочем, мать он тоже ненавидел, потому что она ему ничего не дала в жизни — ни квартиры, ни денег, ни машины. Он считал, что Катя ему должна. Когда она к нему подходила и спрашивала, как дела, сын надевал наушники и погружался в свой виртуальный мир.

Катя с этим смирилась. Давно.

Маша Трауб

Как-то она приехала к матери, та вроде была «в себе».

— Катюш, у тебя ребенок-то есть? — вдруг ласково, жалостливо спросила мать.

— Есть, сын, твой внук, — ответила Катя.

— А откуда ребеночек? Ты же замужем не была, — удивилась мать.

Катя действительно родила сына для себя, без мужа. Но мать сделала свой вывод — раз дочь не была замужем, значит, у нее нет ребенка, значит, и внука нет.

На выходные Катя уговорила сына приехать в деревню:

— Бабушка болеет, надо ее навестить. Я тебя очень прошу.

— Она же все равно ничего не помнит. Зачем? — спросил он, не отрывая взгляда от мерцающего монитора.

— Затем! — крикнула Катя.

Сын приехал в субботу, а Катя вырвалась в деревню в воскресенье. Мать придвинула тумбочку к двери своей комнаты, забаррикадировалась и не открывала.

— Мам, открой, это я! — закричала Катя.

— Кто это? — отозвалась из-за двери мать. — Не открою!

Иван да Марья

— Что с ней? — спросила у сына Катя.

— Чокнулась, — равнодушно пожал плечами сын. — Еще вчера закрылась и не открывает.

— Мам, мама, открой! — Катя скребла дверь.

Наконец мать приоткрыла дверь на узкую щелку. Из комнаты пахнуло мочой.

— Мам, ну ты чего? — ахнула Катя.

— Быстро заходи. — Мать дернула ее за руку, втащила в комнату и опять пододвинула тумбочку. Откуда только силы взялись?

— Что ты? Что случилось?

— Мужик в дом залез. Ходит со вчерашнего вечера. Как хозяин. Убить меня пришел.

— Мам, это не вор, это твой внук. Приехал тебя проведать.

— Какой внук? У меня нет внука. Откуда? Ты еще и замуж не вышла.

Катя села на кровать, не зная, что делать дальше. Мать согласилась выйти из комнаты только после того, как внук громко прокричал, что он уходит и больше не вернется — это было чистой правдой.

Потом мать перестала узнавать даже Катю.

— Ты кто? — спрашивала она.

— Катя, твоя дочь, — терпеливо отвечала Катерина.

— А где Настя?

Маша Трауб

— Скоро придет.

Настя была той самой сиделкой, которая приглядывала за матерью в течение недели.

— Ты не так все делаешь, позови Настю, она знает, — говорила мать, когда Катя перестилала постель, мыла ее в ванной или кормила из ложечки супом. — Настя мне больше нравится, а ты совсем безрукая.

Катя уже даже не плакала. Просто кивала и звала Настю, сунув ей в карман деньги за неделю и за срочный вызов в выходной день.

Нет, это еще был не конец. Еще через год мать вдруг стала узнавать Катю, ждала ее, требовала приехать только ради того, чтобы задать один вопрос: «Как там Ванечка?»

— Ты к нему ездила? Съезди. Как он? — спрашивала мать Катю, когда та, измотанная, выпотрошенная, приезжала с сумками в деревню.

— Все хорошо, — отвечала Катя.

— А ты ему подарочек отвезла? Одеколон ему купила? Он любит одеколон. Не болеет он?

— Не болеет. Все нормально, — отвечала Катя и задыхалась от злости.

Ванечка, Иван Петрович, был Катиным отцом, мужем матери. Бывшим. Давно бывшим. И только он остался в ее памяти, в которой стерлись дочь, внук

Иван да Марья

и даже любимая Настя. Только о нем она беспокоилась, спрашивала и переживала. Больше никто для нее не существовал — только ее Ванечка. Для нее он был самым ценным, самым главным. Ее прошлым и настоящим.

Катя простить этого матери не могла. Все простила, все забыла, но в свои уже немолодые годы она становилась маленькой девочкой, которая все помнила так же остро, как и много лет назад. Ничего не прошло. Время не вылечило.

Иван Петрович Козлов — мужчина с безупречными именем и фамилией, репутацией, биографией и рабоче-крестьянской родословной — родился под Ленинградом. Окончил инженерно-строительный техникум, поступил в институт, откуда и ушел в армию, на войну. Судьба его берегла. Он не умер, не был ранен, не попал в плен. Конец войны он встретил практически здоровым молодым мужчиной, лишь отлежался в госпитале после контузии, не такой уж и тяжелой, как он это преподносил.

Куда тяжелее была любовь к Ивану его лечащего врача — Клавдии Степановны, которая не хотела с ним расставаться и не выпускала из госпиталя. Эта женщина полюбила своего пациента, этого молодого, сильного, статного мужчину, как может полюбить женщина, лишенная всего — быта, дома,

Маша Трауб

семьи, мужа, — и спасла его от гибели. Держала в госпитале до последнего, до Победы, назначая лечение и обследования. Она не хотела его терять. Не могла выписать и отправить на фронт, поэтому подделала документы и карту, приписала тяжелую контузию. Защитила. Думала, что бережет для себя.

Он не был ей благодарен и совершенно не собирался жить с ней после Победы. Новую жизнь он представлял себе с кем угодно, но только не с докторшей. Он спал с ней, назад на войну не рвался. Считал, что все так, как должно быть, все честно — он получает уход, заботу медсестричек, а платит за это тем, что может дать мужчина женщине. Иван не любил ее, не жалел, не был признателен. Он ею пользовался, считая, что она пользуется им.

Он расстался с Клавдией Степановной легко и радостно, под звук праздничного салюта, стук граненых стаканов, наполненных медицинским спиртом, разбавленным водой. Он получил от нее все, что хотел. Начиналась новая жизнь, и в новой жизни врачиха с отеками ногами и мешками под глазами была ему не нужна.

Из госпиталя Иван вышел героем, победителем. Медсестрички, две из которых были его любовницами, плакали навзрыд и подарили букеты полевых цветов. Он был удивительно хорош в военной фор-

Иван да Марья

ме, любовно отутюженной, в начищенных до блеска сапогах, с медалями на груди, которые дались ему легко. Так же легко, как любовь женщин. Он уходил из госпиталя радостно, спокойно зачеркнув прошлое. Пока он махал безутешным медсестричкам, Клавдия Степановна выпила полстакана спирта, в котором тщательно размешала горсть таблеток. Ее не успели откачать. Иван так об этом и не узнал.

Учитывая безупречную репутацию, биографию и происхождение, Иван Петрович Козлов был направлен на ответственную работу — занял пост коменданта в маленьком городке под Кенигсбергом, который вскоре переименовали в Калининград. Ему выделили дом, двор и дали в руки власть. Для полного счастья и окончательно безупречной биографии не хватало только жены, которая, впрочем, нашлась очень быстро.

Катина мать приехала в этот городок по зову сердца и Сталина — преподавать в советской школе. Она была правильная, идейная комсомолка, будущий член партии, учительница, круглая сирота. Идеальный вариант.

Ивану, который еще в госпитале понял, что женщины его любят только за то, что он мужчина, ничего не стоило очаровать молодую учительницу Машеньку Сидорову, умницу, но далеко не кра-

Маша Трауб

савицу, что ему было и не нужно. Иван давно понял — чем более непривлекательной ощущает себя женщина, тем в большей степени она становится ему благодарной. Он тщательно проверил будущую жену на предмет родственных связей, происхождения и остался доволен.

Машенька Сидорова влюбилась в него сразу и навсегда. Нельзя было не влюбиться. Комендант с собственным домом. Фронтовик, красавчик, плотный, широкий в плечах, высокий, наделенный властью. После войны — уникальный мужской экземпляр, заботливо сохранный Клавдией Степановной.

Свадьбу сыграли по меркам послевоенного времени пышную, и Машенька переехала к мужу, в новый двухэтажный дом, который приходила убирать домработница — немислимая роскошь. Каждое утро Машенька подходила на цыпочках к ванной — огромной комнате, украшенной изразцами, — и смотрела, как муж собирается на работу. Иван знал за собой один недостаток — плохие волосы, жидкие и блеклые, поэтому голову он брил так же, как щетину, — опасной бритвой, которую точил на специальном ремне.

Это посоветовала еще та врачиха, Клавдия Степановна, лично побрив ему однажды голову. Она поднесла к его лицу зеркало и сказала, что он очень красивый. Она смотрела на него и любовалась. Этот

Иван да Марья

●

взгляд Иван заметил и не забыл. С тех пор тщательно обрабатывал затылок и сбрасывал даже брови. Безволосый, он притягивал к себе взгляды женщин, а отсутствие бровей внушало им страх — панический, на бессознательном уровне. Машенька была тиха и покорна. Замирала, как жертва перед палачом.

Мужа она любила безумно и так же безумно боялась. У Ивана была еще одна особенность — отсутствие мимики. Он умел владеть лицом. Только глаза в момент эмоционального всплеска — обычно прозрачные, голубые с жижей, — темнели, наполняясь зеленкой — подгнившими водорослями. По цвету глаз Машенька определяла настроение мужа.

С этим страхом соперничал только ужас перед живыми угрями, которые плескались в огромных баках для белья, стоявших в ванной. Иван любил жареных угрей, и живые твари никогда не переводились в баках. Машенька не находила в себе сил даже заглянуть в бак, где копошились склизкие, проворные рыбины. Угрей вылавливала и готовила домработница — молчаливая женщина из местных, тайно влюбленная в своего хозяина и брезгливо относящаяся к Машеньке.

Машенька не знала других мужчин, кроме Ивана, и все принимала как должное. Только дома ей было плохо и страшно. Она боялась и угрей, и мужа,

Маша Трауб

и домработницу, поэтому задерживалась на работе, отдавала себя всю детям, ходила на собрания, брала общественную нагрузку и по вечерам тщательно готовилась к вступлению в партию.

То, что она беременна, Машенька обнаружила не сразу. И очень удивилась. Она все знала про Сталина, про партию, но ничего не знала про себя как женщину.

Еще месяц она страшилась сообщить мужу, что ждет ребенка. Боялась, что он ее «заругает». Но Иван даже обрадовался. Ему нужен был ребенок как важный пункт в анкете.

Машенька родила девочку, которую муж назвал Катей. Машенька не спрашивала, почему именно Катей, — постеснялась.

Как настоящая комсомолка, будущий член партии, Машенька не собиралась превращаться в мещанку и с радостью отдала дочку на попечение домработницы, заново окунувшись в мир собраний и совещаний. Она была нужна там, на работе, где под ее надзором находились детишки, которых нужно было учить любить Сталина. Машенька мечтала построить идеальную советскую школу, которая будет соответствовать гордому имени Зои Космодемьянской, которое носила. Она не жалела на это ни сил, ни времени.

Иван да Марья

..Дочка Катя сразу же прикипела к домработнице и горько плакала, когда мать или отец брали ее на руки. Машенька не ревновала, даже была рада, что дочка понимает, насколько важна для матери работа. Домработница вцепилась в Катю мертвой хваткой и не выпускала из своих рук.

Катя помнила и огромный дом, и то, как они с отцом ходили на берег моря — он сажал ее на плечи и нес, держа за руки. А она замирала от восторга, высоты и счастья. Катя помнила, что домработница наряжала ее в красивые платья, играла с ней в куклы, немецкие, трофейные, и вплетала в косы банты. Ее детство было настолько счастливым, насколько это было возможным в те годы.

Что произошло потом, Катя не помнила. Ей было лет одиннадцать, когда для нее началась новая жизнь.

В хрущевское время отец потерял работу, и семья была вынуждена переехать в другой город. Он занимался строительством, вечно в разъездах, дома его практически не бывало. Катя с матерью ездили за ним — из города в город, всякий раз обживаясь на новом месте. Машенька устраивалась в ближайшую школу, не зная, надолго ли в ней задержится. Не было больше ни собраний, ни турпоходов. Она стала бледной тенью себя прошлой — вечно запу-

Маша Трауб

ганной, уставшей, хмурой. Жила в ожидании мужа, таскалась за ним, как побитая, выброшенная на помойку блохастая собака, которая все равно возвращается к своим хозяевам.

Катя тогда уже почти по-взрослому смотрела на отца, который тоже стал другим. Чужим, страшным, посторонним мужчиной.

Она его раздражала и прекрасно это чувствовала, поэтому старалась не попадаться отцу на глаза. Он стал жестоким. За малейшую провинность снимал с гвоздя ремень, на котором точил свою опасную бритву, и лупил дочь. Доставалось и Машеньке, хотя она не пыталась прикрыть Катю, не вмешивалась.

Что произошло с отцом, Катя так никогда и не узнала, зато запомнила его именно таким, каким он был тогда: лысым, безбровым, жестоким, малознакомым мужчиной, не имевшим ничего общего с папой, катавшим ее на плечах.

Отец мог не дать Машеньке денег на продукты, о новых ботинках для Кати можно было даже не заикаться, но себе ни в чем не отказывал. Он любил бурки, пальто с каракулевым воротником. Одевался, наряжался, подолгу стоял перед зеркалом — ему это нравилось.

Когда они приезжали в новую квартиру, отец заходил первым и осматривал помещение. Он

Иван да Марья

всегда выбирал себе самую большую, лучшую комнату. Или, если это была коммуналка, — самый просторный угол, отгороженный ширмой. Это была его территория, на которую он заходить запрещал. Мать приучила Катю убирать в комнате отца так, чтобы ни одна вещь не была сдвинута с места.

В обязанности Кати входила и уборка ванной для отца. Если в доме ее не было, отец покупал себе огромную ванну, и Катя ведрами со двора носила в нее воду. Отец грел воду ручным кипятильником и лежал, пока вода не остывала. Катя вытаскивала грязную воду на улицу, отдраивала ванну так, чтобы она была идеально белой. Они с матерью мылись в корыте — цинковом, которое висело на гвозде в коридоре. Залезть в ванну они не имели права — отец брезговал.

После ванной он требовал вареников — с вишней или с картошкой и луком. Катя с Машенькой по ночам лепили вареники, чтобы у него всегда было наготове любимое блюдо.

По вечерам Иван запирался в комнате и подолгу сидел с ручным арифмометром, что-то вычисляя, или поливал фикус, который возил с собой. У него не было друзей, к ним никогда не приходили гости, они тоже никуда не ходили. Катя не могла

Маша Трауб

пригласить в дом подруг и не могла пойти сама — ее никто не звал. Да и отец бы не позволил.

Вся семья, то есть Машенька и Катя, жили по жесткому режиму, который нельзя было нарушать. Как в казарме. Они завтракали в одно и то же время, Катя должна была лежать в постели ровно в девять тридцать вечера и ни минутой позже. Она не могла даже включить свет, чтобы почитать. Отец вообще считал, что книги — это зло и ненужная прихоть. Он читал только газеты.

Помимо арифмометра и фикуса, у отца была огромная физическая карта Советского Союза, которую он возил за собой и вешал на стене в своем «кабинете». Когда у него было плохое настроение, он звал Катю, давал ей в руки указку и требовал перечислить все союзные республики со столицами, показать границы.

Катя географию ненавидела. Около карты ей становилось плохо в буквальном смысле слова — перед глазами плыло, накатывала тошнота, она еле держалась на ногах. Она знала, что за ошибку отец ее выпорет, но ничего не могла с собой поделать. На нее находил такой ступор, что она даже Москву найти была не в состоянии. Отец кричал, что она идиотка, дебилка, снимал со стены ремень и лупил ее, как сидорову козу.

Иван да Марья

●

Уже будучи взрослой, Катя пыталась понять происхождение этих приступов жестокости, агрессии и ненависти.

Однажды мать подала ему на ужин уже остывшую картошку. Отец вообще любил все горячее, обжигающее, чтобы шел дым или пар. Он схватил табуретку, ударил по столу, отломав ножку, и этой самой ножкой избил Машеньку. Та не сопротивлялась, считая себя виноватой — да, получила по заслугам. Так ей и надо. Эта покорность Катю удивляла, возмущала — она не могла понять, почему мама все это терпит. И главное, почему отец стал таким? Он никогда не пил, не курил. У него не имелось психических заболеваний, тяжелых ран, которые давали бы о себе знать.

Два раза в год отец отправлялся в госпиталь на обследование — поправить здоровье и подлечиться. Ездил неизменно в теплые места — Туапсе или Майкоп. Возвращался всегда с арбузом. Огромным, спелым, который резал лично, ровными дольками, забирая себе на тарелку сахарную серединку.

— А можно мне серединку попробовать? — попросила однажды Катя.

— Нет, — ответил отец.

— Тебе жалко?

— Жалко.

Маша Трауб

Катя тогда не сдержалась:

— Мам, я тоже хочу серединку, хоть чуть-чуть.

Почему он всегда ее ест?

— Ты совсем, что ли, страх потеряла? — Отец изменился в лице.

— А что я такого сделала? — чуть не закричала Катя. — Я просто попросила немножко серединки!

— Иди вон отсюда.

— И пойду!

Катя схватила с тарелки отца кусок, запихнула в рот и выбежала из кухни.

До вечера она бродила по городу, замерзла, проголодалась и с ужасом представляла, что будет, когда она вернется.

Дома стояла тишина, отца не было, мать спала. Катя пробралась на свою кровать, схватив на кухне кусок хлеба, и юркнула под одеяло.

Утром, когда она проснулась, мать сидела на стуле уже одетая.

— Ты поедешь в интернат, — сказала она.

— В какой интернат? — Катя ожидала любого наказания, но не этого.

— В обычный интернат. Собирай вещи.

— Зачем?

— Так отец велел.

— Надолго?

Иван да Марья

— На сколько надо, на столько и поедешь. Пусть государство тебя воспитывает, я больше не могу.

— Мам, прости меня! — закричала Катя. — Не отправляй меня в интернат! Я больше не буду!

— Это решено, — отрезала мать.

Катя прожила в интернате три года. Сначала она плакала почти каждую ночь, но потом привыкла. Там было много девочек и мальчиков, у которых, как и у нее, родители были живы. К некоторым даже приезжали, привозили гостинцы. К Кате мать ни разу не приехала, хотя она ждала ее каждый день.

Интернатская жизнь мало чем отличалась от лагерной. Катя помнила, что в комнате жили еще пять девочек. Все носили одинаковую одежду, много работали — чистили картошку, мыли полы, пропальвали грядки на огороде. Четкий распорядок, все по часам. После такой монотонной, тяжелой работы не хотелось ни думать, ни мечтать. Было одно желание — добраться до кровати, упасть и забыться хоть на пару часов. Есть хотелось все время.

За полгода Катя научилась воровать, стоять на страже, драться, быстро бегать.

Через полгода она сбежала из интерната и добралась до дома — голодная, еле державшаяся на ногах. Мать стирала во дворе белье.

Маша Трауб

— Мамочка, — кинулась к ней Катя и заплакала. Не хотела плакать, запретила себе, но не выдержала.

— Ты чего здесь делаешь? — Мать вытерла распаренные руки о фартук. В тазу лежали рубашки отца.

— Я домой хочу, — сказала Катя.

— Иди назад, — велела мать.

— Мам, я есть хочу.

— Вот дойдешь до интерната, там и поешь, — ответила мать и отвернулась.

Катя постояла еще и пошла на дорогу, надеясь, что мама окликнет ее. Но мама так и не позвала. Катя вернулась в интернат, где ее наказали — посадили на хлеб и воду на неделю.

То, что мать ее тогда даже не накормила, даже куска хлеба не дала, Катя помнила всю жизнь.

Три года Катя прожила с клеймом «интернатская». Она привыкла к ненависти, к тому, что ее считают уголовницей. Тогда же она узнала, что такое первая любовь и первое предательство. Тогда же она стала ненавидеть людей и особенно отца. Его она ненавидела больше всех на свете. Именно из-за него она попала в интернат.

Катя рано начала приобретать женские формы. О том, что такое лифчик, она понятия не имела, да и не было ни у кого из девочек лифчиков. Все хо-

Иван да Марья

дили в одинаковых коричневых тяжелых платьях, от которых начинался нестерпимый зуд по всему телу. На платье под мышками оставались следы от пота — белые, ничем не смываемые разводы. Соль въедалась в ткань намертво.

Она привлекала внимание мальчиков — сначала как партнер по играм, потом уже как девушка. Ей свистели вслед, Катя тут же рвалась с места и дралась с наглцом в кровь, на равных.

На Восьмое марта у себя под подушкой она нашла подарок — красивую чашечку с миниатюрной десертной ложечкой и записку: «От Валеры».

Валерка был сыном директрисы интерната. Его побаивались, раз и навсегда признав лидером, хотя он спал в точно такой же комнате на шесть человек, на точно такой же кровати с проеденным клопами матрасом, ходил в интернатской одежде и точно так же, как и все остальные, воровал хлеб из столовой. Правда, у него в отличие от остальных детей водились деньги. Он покупал кулек семечек и грыз их на глазах у всех, смачно сплевывая шелуху. Иногда покупал бублик и делил его на равные части между своими друзьями.

Катя замерла с чашечкой в руках. Она никогда еще не получала подарков. Мать с отцом, с тех пор как она попала в интернат, не присылали ей ниче-

Маша Трауб

го даже на Новый год. А из того, что Катя помнила, были козья ножка, подаренная отцом для черчения, и теплые рейтузы от матери. Никогда ей не дарили ничего красивого, ненужного и оттого ценного.

Катя каждый вечер разворачивала чашечку, любовалась ею, представляла, как будет пить из нее чай, держала в руках ложечку и засыпала почти счастливая.

А вскоре Валерка поделился с ней семечками, насыпав в ладонь целую горсть, они сидели на скамейке и лузгали их. С того самого дня больше никто не свистел ей вслед, никто не задирался, не лез в драку.

Постепенно они с Валеркой начали разговаривать, рассказывать друг другу о себе. Оказалось, что он такой же одинокий, такой же не нужный никому, как и Катя. Хотя она все равно считала его счастливым — Валеркина мама была рядом, он ее видел каждый день. Его не бросали. Однажды они с Катей даже поцеловались.

— Не бойся, я тебя не дам в обиду, — торжественно пообещал Валерка.

Для Кати, которая привыкла защищать себя сама, эти слова были все равно что признание в любви. Даже больше. Намного больше. Она была нужна Валерке, а Валерка был нужен ей. Они были вместе.

Иван да Марья

Это произошло на уроке географии, которую Катя продолжала ненавидеть. Они бегали по классу перед началом урока. У Кати было хорошее настроение, она гналась за Валеркой, который должен был повесить на доску карту. Катя бежала между партами и смеялась.

— Давай еще, беги! — улюлюкали мальчишки Валерке, который в последний момент уворачивался, перескакивал через парту. Катя никак не могла его осалить.

Краем глаза она заметила, что мальчишки показывают на нее пальцами и смеются. Она продолжала бежать, но чувство радости улетучилось. Что-то было не так.

— Беги! — подзадоривали Валерку мальчишки. — Пусть еще кружок сиськами потрясет! — Это крикнул кто-то из подхалимов. То ли тщедушный, вечно сопливый Гарик, то ли жиртрест Витька.

Катя остановилась как вкопанная.

— Ткни ее в сиськи! Ткни ее! — закричали мальчишки.

Валерка тоже остановился и изо всей силы концом скрученной карты ткнул Катю в рано развившуюся грудь. Ткнул так сильно, что Катя охнула и упала.

— Ура! Победа! — заорали мальчишки.

Маша Трауб

Для Кати это стало предательством, хуже которого не было. Это был позор на весь класс, на весь интернат. Это был удар от человека, которому она доверяла.

Больше Катя с Валеркой не разговаривала, хотя он и написал ей записку «Прости меня», которую она нашла у себя под подушкой. Подаренную Валеркой чашечку Катя растоптала, после чего собрала осколки в совок и выбросила. Ложечку онагнула, пока та не сломалась.

Она видела, что Валерка чувствует себя виноватым, что он сам не знал, как это получилось, но простить его так и не смогла. А еще она не могла понять главного — почему Валерка вдруг изменился, почему ее предал? Почему он поступил так же, как ее отец, — в один момент стал жестоким и готов был сделать больно? Грудь, кстати, у Кати болела еще месяц, синяк долго не проходил. И если Катя и собиралась простить Валерку, то боль в груди от малейшего движения рукой давала о себе знать и напоминала об обиде.

Хотя именно благодаря Валерке она вернулась домой.

На перемене все играли в любимую игру — кидались мокрой тряпкой, которой вытирались доска. Катя не принимала участия в игре. Сидела

Иван да Марья

за партой и делала вид, что читает. Тряпка — грязная, вся в меле, попала ей в голову. Она повернулась, чтобы посмотреть, кто бросил. Бросал Валерка. Не в нее, а в тщедушного Гарика, который присел и избежал удара. Катя сама себя не помнила. Она схватила чернильницу со стола и запустила в Валерку. Тот не ждал удара, и чернильница благополучно влетела ему в лоб, залив чернилами лицо.

В этот момент в класс вошла директриса.

— Кто это сделал? — спросила она, увидев своего сына, у которого из разбитого лба текла кровь, смешанная с чернилами.

Все показали на Катю.

Буквально через два дня за ней приехала строгая и суровая мать — из интерната ее исключили.

— Я не специально, я не хотела, — промямлила Катя, но ей никто не поверил.

Дома все оставалось как прежде. Мать работала, отец опять уехал на лечение в госпиталь. Катя была предоставлена сама себе — мать махнула на нее рукой. Она могла по три дня не появляться дома, мать бы и не заметила.

Кате было тоже все равно. Каждый день, каждый вечер, каждую свободную минуту она думала о Валерке. Она вспоминала, как они грызли семечки,

Маша Трауб

как сидели на лавочке и разговаривали, как целовались. Катя держала в руках кружку и вспоминала ту самую чашечку, которую ей подарил Валерка. Держала в руках алюминиевую гнутую ложку и представляла, что держит ту самую десертную ложечку. Она ругала себя за то, что разбила, не сохранила подарок. Ругала за то, что уже не помнит Валерку так четко, как ей бы хотелось. Она скучала по нему, по интернатской жизни. Катя даже просилась у матери назад, в интернат, но мать посмотрела на нее как на больную.

— Тебе место в психушке, — отрезала Машенька и погрузилась в проверку тетрадей.

Катя была согласна на все — на психушку, на побои, на издевательства отца, лишь бы вернуться к Валерке, лишь бы увидеть его хотя бы еще один раз. Увидеть, запомнить — какие у него были руки, какие глаза. Она закрывала глаза и представляла себе Валерку, близко-близко. У него были веснушки, совершенно точно. Только на носу и крыльях носа. Больше нигде. Конопушки она помнила, а цвет глаз — нет.

Она дала себе слово найти Валерку и никого больше никогда не любить. Ведь он был совсем не виноват! Это все мальчишки, которые его подуживали. А она? Тоже хороша! Катя ненавидела

Иван да Марья

себя. К тому же она начала комплексовать из-за своей груди, продолжавшей расти, из-за волос под мышками и на ногах, которые она боялась сбрить, а спросить у матери не осмеливалась. Она решила, что никому, кроме Валерки, не будет нужна. Никто на нее больше и не посмотрит, что было в принципе недалеко от истины. В новой школе Катю боялись как бывшую интернатовскую. Она была резкая, ничего не боялась, вела себя как уголовница, — материлась, умела курить, дралась. У нее были свои законы выживания, по которым она жила. Она никогда никого не закладывала, за пущенную сплетню била нещадно. Не лебезила перед учителями. Ходила в том же коричневом платье, в котором приехала из интерната, и, если кому-нибудь из девочек приходило в голову сделать ей замечание или отпустить нечаянное слово, она снова пускала в ход кулаки. Катя была изгоем в классе. Одинокой, зачумленной девочкой, которой сторонились.

По вечерам Катя писала длинные письма Валерке — о том, что произошло в школе, о распустившихся ромашках, обо всем, что было важным и неважным. Ни одного письма она так и не отправила — потому что не знала адрес интерната, не было денег на конверт и марки. А еще потому, что

Маша Трауб

хорошо знала — все письма читает лично директриса и только после этого, уже вскрытыми, передает детям.

Катя ждала письма от Валерки. Надеялась, что он ей напишет. Каждый день бегала к почтовому ящику, но письма не было.

Она не могла знать, что Валерка ей писал, но его мать сразу же отправляла письма в мусорную корзину, даже не читая, — была уверена, что такая переписка к добру не приведет.

Валерку Катя запомнила на всю жизнь. Так же как и его подарок — фарфоровую чашечку с тоненькой ручкой.

Катя выучилась, уехала в город, поступила в институт. Отец с матерью, видимо, развелся и совсем пропал из их жизни. Уехал в командировку и не вернулся.

К матери Катя приезжала на каникулы, и каждый раз на следующее утро после возвращения дочери Машенька клала перед ней на стол бумажку с адресом.

— Съезди к отцу, узнай, как он там. Жив, здоров? Проведай его, — просила мать.

В первый раз Катя согласилась. Отец, судя по адресу, нацарапанному на бумажке, лежал в госпитале в Туапсе.

Иван да Марья

●

Катя поехала, разыскала госпиталь, медсестра сказала, что отца можно найти на главной аллее.

Где искать отца, Катя знала и без медсестры. Шахматы. Он прекрасно играл в шахматы, запойно, самозабвенно. Если в пансионате или в госпитале имелась шахматная аллея с выложенными на земле черно-белыми плитами и большими деревянными фигурами, отец был там. Нет, шахматисты играли, расположившись на лавочке. Большие фигуры — для детей, для развлечения. Но место всегда было неизменным.

Катя спросила у медсестры, куда идти. Та махнула рукой. Катя шла по аллее, задумавшись, и не сразу поняла, что навстречу идет отец.

Он прекрасно выглядел — в шелковой отутюженной пижаме, чисто выбритый, пахнущий «Шипром». Он шел, насвистывая под нос мелодию. Катю он тоже не заметил.

— Папа, — окликнула его она.

Он посмотрел на нее, и Катя пожалела, что окликнула — отца перекосило. Довольная улыбка сменилась гримасой — это был оскал ненависти. Настоящей, лютой, животной ненависти.

— Что тебе надо? — спросил он.

— Ничего, — ответила Катя. — Мама просила тебя найти.

Маша Трауб

— Зачем? Что вам от меня надо? — Отец непро-
извольно брызгал слюной.

— Ничего не надо.

— Чтобы я тебя больше не видел. И матери
передай, чтобы тебя не подсылала, — сказал отец
и быстрым легким шагом пошел к главному зданию.

Катя вернулась домой на ватных ногах, с ощу-
щением, что ее окунули в бак с нечистотами. Она не
могла забыть оскал на лице отца.

До этого момента она его все-таки любила.
Помнила, как он носил ее на плечах. Он был ее от-
цом. Катя не могла выбросить его из памяти, изба-
виться так же легко, как отец от нее.

Но этой встречи ей хватило сполна. От дочер-
ней любви ничего не осталось. Нельзя любить чело-
века, который ненавидит тебя так сильно.

— Ну что, ты его нашла? Как он себя чувствует?
Болеет? Кушает? Госпиталь хороший? Ему процеду-
ры делают? — Мать с надеждой смотрела на Катю.
Она не спросила, как дочь сдала сессию, какие у нее
соседки по комнате в общежитии, хватает ли ей на
жизнь стипендии. Мать не задала ни одного вопро-
са. Катя только сейчас поняла, почему мать обрадо-
валась, что дочь приезжает на каникулы домой. Катя
решила, что мама соскучилась по ней, а оказалось,
что она хотела отправить ее к отцу. Сама мать пое-